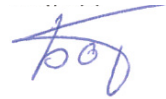

На правах рукописи

БОРИСОВА Татьяна Станиславовна

**ИСТОРИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПО
ДАНЫМ ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ПЕРЕВОДНЫХ ПАМЯТНИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ
ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ТРИОДНОГО ЦИКЛА)**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Красноярск – 2020

Работа выполнена во ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

Научный консультант:

доктор филологических наук, профессор **Панин Леонид Григорьевич**

Официальные оппоненты:

Алексеев Анатолий Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», профессор кафедры библеистики

Камчатнов Александр Михайлович, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», заведующий кафедрой общего языкознания

Крутова Марина Семеновна, доктор филологических наук, доцент, ФГБУ «Российская государственная библиотека», главный палеограф в отделе рукописей

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»

Защита диссертации состоится 15 февраля 2021 года в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д 999.016.04 на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Сибирский федеральный университет», Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский государственный университет» по адресу: г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 9, ауд. 4-02.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»: <http://www.sfu-kras.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Бурмакина Наталья Геннадьевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Восстановление ранних этапов переводной церковнославянской письменности остается одной из важнейших задач современной палеославистики. Скудость и неоднозначность истолкования дошедших до нас исторических и житийных источников, посвященных начальным переводам и последующим редактированиям греческих церковных книг в славянском мире в IX – XIV веках, создает ситуацию, когда единственным достоверным и неоспоримым свидетелем этих процессов становится сам текст. Данный текст, как правило, доходит до нас в списках, отстоящих на несколько веков от времени его предположительного создания, и, следовательно, в значительно измененном виде. Восстановление его исходной формы на основе текстологического анализа славянских списков в сопоставлении с греческим оригиналом, а также анализ особенностей и причин произошедших в нем позднее изменения – это единственный возможный на сегодняшний день путь воссоздания картины переводной славянской письменности раннего периода.

Гимнографическим текстам по праву отводится особое место в корпусе византийской церковной книжности, адаптированной на славянской почве. Поэтическая природа этих текстов, а также особая роль, которую они играли в богослужебной практике, связанная с этим популярность и повышенное внимание к дословной точности передачи оригинального греческого текста и, как следствие, почти постоянное редактирование с использованием греческого оригинала, делает их неоценимым материалом для анализа важнейших процессов и составляющих как книжной деятельности древних славян, так и истории их языка. Именно на основе сопоставления разновременных редакций данных текстов можно проследить за процессом формирования церковнославянского и русского литературного языков, а также за той ролью, которую греческий язык как язык передающей культуры играл в данных процессах. Отметим, что особая роль греческого языка в истории русского неоднократно отмечалась как исследователями, так и выдающимися представителями русской культуры. Показательным в данной связи является высказывание А.С.Пушкина: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность»¹. Вместе с тем, как размеры, так и механизм греческого влияния на русский язык еще не были должным образом изучены на конкретном текстовом материале.

---

¹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти тт. – М.: Изд-во АН СССР, 1964 – т. 7. – С. 27.

Очевидно, что на ранних этапах славянской книжности корпус гимнографических текстов переводился и существовал, главным образом, в составе сборников, необходимых для осуществления богослужения. Одним из основных сборников такого типа является триодь – литургический сборник, содержащий песнопения годового подвижного богослужебного круга – то есть праздников, не имеющих фиксированной даты по солнечному календарю, но ежегодно рассчитываемых в зависимости от Пасхи. Несмотря на наличие в отечественной и зарубежной филологической традиции как фундаментальных работ, посвященных типологии славянской триоди (И. Карабинов, Л. Славева, Г. Попов, М. А. Момина), так и исследований и изданий отдельных переводных гимнов триодного цикла (М. А. Момина, И. Христова-Шомова, Амфилохий, A. Bugge, A. Filonov Gove, A. Dostal, H. Rothe, Д. Кенанов, В. М. Кириллин, С. Правдолюбов, Т. А. Александрова, Р. О. Якобсон), на сегодняшний день можно констатировать, что не только триодные, но и целом переводные гимнографические тексты практически не привлекались в качестве источника по истории русского литературного языка. Число как лингвотекстологических исследований, выполненных на материале гимнографии (Т. И. Афанасьева, Р. Н. Кривко) так и синхронных описаний языка отдельных списков гимнографических сборников (Э. Црвенковска, Л. Макаријоска) чрезвычайно ограничено.

Диссертация посвящена изучению истории языка переводов четырех византийских гимнографических текстов триодного цикла: Акафиста Богоматери, Великого покаянного канона Андрея Критского, Алфавитных стихир из последования Великого покаянного канона и Антифонов Великой Пятницы – в церковнославянской книжности IX – XV вв. на основе лингвотекстологического анализа их разновременных редакций. Лингвистические и текстологические вопросы переноса и рецепции византийской гимнографии славянской культурой рассматриваются в тесной связи с византийской традицией и текстологией византийских оригиналов, с историей русского литературного и церковнославянского языков во всех их региональных и временных проявлениях, а также церковнославянской книжности в целом.

Объектом исследования является русский литературный язык в своем историческом развитии в период с IX до XV века, зафиксированный в разновременных редакциях и списках четырех переводных гимнографических текстов триодного цикла.

Предметом исследования являются выявляемые лингвотекстологическим методом исторические изменения русского литературного языка, происходящие под влиянием греческого языка – языка оригинала изучаемых текстов.

Целью исследования является описание истории языка четырех византийских гимнов триодного цикла в славянской книжности на ранних (с IX до XV века) этапах истории переводов, а также разработка методологических принципов использования переводных церковнославянских текстов в качестве источника по истории русского

литературного языка. На основе полученных результатов мы делаем несколько общих выводов относительно истории русского литературного языка означенного периода, истории всего сборника триоди постной и цветной, а также общей картины церковнославянской письменности в первые семь веков ее существования.

Для достижения данной цели был поставлен ряд **конкретных задач**:

1. Определить репрезентативный корпус церковнославянских рукописных списков XI – XV вв., содержащих анализируемые гимнографические произведения и представляющих различные изводы и периоды истории церковнославянского языка.

2. Сформулировать основные критерии типологической и текстологической группировки данных списков для каждого из данных произведений.

3. На основе сопоставительного анализа типологических признаков и текстологических различий разделить списки на редакции, охарактеризовать каждую из редакций, выявить отношения между редакциями для каждого из анализируемых текстов, определить и охарактеризовать смешанные (компилированные) типы, построить стеммы, графически представляющие отношения между изученными списками.

4. Сопоставить результаты текстологического анализа каждого из изученных текстов, выявить на основе данного сопоставления общие закономерности развития триоди в церковнославянской письменности, а также различия в текстологической истории разных триодных гимнов.

5. Опираясь на выявленную текстологическую классификацию, проанализировать язык рассматриваемых текстов в лингвотекстологическом аспекте, продемонстрировать перспективность лингвотекстологического анализа переводного гимнографического материала как важного источника для истории русского литературного языка.

6. Провести лингвотекстологический анализ лексических и лексико-словообразовательных различий между редакциями анализируемых текстов, выявить основные закономерности рецепции лексико-семантических и словообразовательных структур греческого языка в принимающем языке.

7. На основе сопоставительного анализа славянских списков акростишной редакции проследить дальнейшую судьбу акростиха в ранней церковнославянской переводной гимнографии.

8. На основе анализа различий, выявленных между редакциями, охарактеризовать особенности переноса и адаптации других поэтических средств византийской гимнографии в церковнославянской языковой среде.

В диссертационном исследовании выдвигается **гипотеза** о системном влиянии греческого языка на церковнославянский и русский литературный языки, осуществляемом в процессе перевода текстов и их последующего редактирования путем переноса языковых структур разных уровней (словообразовательных, лексических, синтаксических, поэтических) из передающего языка в принимающий, а также последующей адаптации данных структур в системе принимающего языка.

На защиту выносятся **следующие положения**:

1. Церковнославянская триодь, разделенная позднее на две части – постную и цветную, была переведена на старославянский (церковнославянский) язык не единовременно, но составлена из гимнографических произведений, переведенных в разное время и разными людьми. Компилятивный характер своего состава, проявившийся в том, что в один сборник входили тексты различных редакций и традиций, триодь сохраняет в южнославянской письменности вплоть до Афонской книжной справки, а в восточнославянской – до конца рассматриваемого периода (XV век). Таким образом, текстологическая история каждого конкретного триодного гимна не может быть сведена к истории всего сборника и должна исследоваться и описываться отдельно, а использование как всего сборника, так и его конкретных текстов в качестве источника по истории языка должно предваряться описанием текстологической истории конкретного триодного текста.

2. Древнейший корпус триодных текстов был переведен на церковнославянский язык на рубеже IX и X веков на основе принципов свободного перевода-парафразы. Имеются основания полагать, что существовало два независимых перевода в глаголической и кириллической традициях. Последующая рукописная история славянских переводов анализируемых византийских гимнов определялась двумя процессами: редактированием – последовательным исправлением текста на основе греческого оригинала, и компилированием – непоследовательным совмещением в пределах одного текста элементов различных славянских редакций и традиций. Последним явлением, необходимым условием которого является сосуществование на одной территории в один исторический период, по крайней мере, двух редакций, не маркированных на основе оппозиции нового и «правильного» с устаревшим и «неправильным», объясняется многообразие южнославянских традиций XII – XIII веков, а также восточнославянских традиций XV века. С начала XIV века, то есть, начиная с Афонской книжной справки, южнославянская книжность начинает развиваться на основе другого принципа: новые редакции в ней противопоставляются старым и маркируются как правильные. В восточнославянской книжности в течение всего анализируемого периода новые редакции сосуществуют и компилируются со старыми без явной маркировки.

3. Процессы редактирования анализируемых текстов с X по XIII век (до Афонской книжной справки) были ограничены исключительно болгарской территорией, в сербский и восточнославянский ареалы в этот период попадали, переписывались и компилировались уже готовые редакции. Единственной редакцией, предположительно созданной на русской территории в рассматриваемый в работе период, стала относительно поздняя редакция Акафиста Богоматери, названная нами Русской и отмеченная исключительно в восточнославянских списках XV века. Прочие проанализированные тексты в восточнославянском ареале либо не

редактировались вообще, либо данные редакции не получили распространения в книжности.

4. По мере развития церковнославянского языка в славянской книжности изменяется подход к переводу гимнографического текста: от «вольного» описательного перевода-парафразы первых редакций, к пословно точным, но значительно обедненным в лексическом и поэтическом плане среднеболгарским переводам, и в дальнейшем к достигающим и буквальной, и поэтической точности за счет значительно обогащенной лексики церковнославянского языка переводам афонских монахов и их последователей. Обогащение языка рассматриваемых текстов происходит путем перенесения в них языковых структур греческого языка, заимствованных из оригиналов.

5. Гимнографический материал обладает огромным потенциалом в качестве источника для историко-лингвистического исследования, на основе диахронного лингвотекстологического анализа различных редакций и традиций анализируемых произведений были получены результаты, важные для исторической лексикологии, исторического словообразования и исторической стилистики.

6. Сопоставительный анализ различий между славянскими редакциями анализируемых текстов показал, что развитие церковнославянского языка на протяжении всего анализируемого периода шло под непосредственным влиянием греческого языка, осуществляемого не путем механического заимствования, но калькирования с использованием собственных ресурсов. Перенос языковых структур из исходного языка в принимающий и их адаптация в новой языковой системе приводит к обогащению языка на лексическом, словообразовательном и морфологическом уровнях, к переосмыслению и творческой переработке иноязычного языкового и культурного наследия.

7. Изучение рецепции поэтических структур византийской гимнографии при помощи лингвотекстологического метода показало, что наиболее воспринятыми из всего арсенала византийских поэтических средств в церковнославянском языке оказались не формальные, но формально-семантические повторы, то есть различные виды паронимии. Перенос алфавитного акростиха на славянскую почву, предпринятый в первых переводах акростишных греческих гимнов, не был воспринят принимающей культурой.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена:

1) важностью привлечения новых текстов в качестве источников по истории русского литературного языка, а также разработки методологических принципов систематизации получаемого на основе их анализа материала,

2) отсутствием в палеославистике работ, анализирующих переводную церковнославянскую гимнографию триодного цикла как в классическом текстологическом, так и в лингвотекстологическом аспекте на основе комплексного сопоставительного анализа списков XI – XV веков,

представляющих различные региональные традиции, в сравнении с греческими оригиналами;

3) необходимостью реконструкции ранних периодов церковно-славянской книжности на основе текстологической истории произведений, переведенных на самых начальных ее этапах, неоднократно редактировавшихся впоследствии и входивших в узус средневекового человека;

4) важностью рассмотрения греко-славянских языковых и литературных связей в широком сравнительно-лингвистическом и историко-культурологическом контексте.

Научная новизна предлагаемого подхода состоит в объединении принципов исторического языкознания, текстологии, лингвотекстологии, теории перевода с целью реконструкции лингвистической истории группы текстов, входивших в состав одного сборника, на широком временном и территориальном срезе. Такое комплексное изучение восточнославянских и южнославянских традиций по спискам XI – XV вв. позволит нам воссоздать общую картину переводной гимнографической книжности *Slavia Orthodoxa* параллельно с ее византийскими прототипами, а также получить новые данные по истории русского литературного языка в период с IX по XV век.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней, во-первых, предлагаются методологические основания и текстологические параметры для классификации списков и редакций церковнославянских произведений, входящих в состав одного богослужебного сборника, а также разрабатывается предметно-терминологический аппарат типологического и текстологического исследования переводного текста. Во-вторых, реконструируется текстологическая история данных текстов в период с IX по XV век, что является существенным вкладом в восстановление картины ранних этапов церковнославянской письменности в целом. В-третьих, обосновывается правомерность и перспективность изучения гимнографического материала в лингвотекстологическом аспекте. Результаты, полученные на основе сопоставительного анализа славянских переводов и их византийских прототипов, представляют интерес для истории русского литературного языка, русской исторической лексикологии и лексикографии, исторической поэтики, истории церковнославянской и древнерусской книжности и византийской филологии. Разработанные в работе методики сравнительного текстологического и лингвотекстологического анализа могут быть применены к изучению других произведений и групп текстов в составе славянской переводной книжности.

Практическая значимость работы состоит в текстологическом описании церковнославянской рукописной истории четырех переводных гимнографических текстов. Результаты исследования могут быть использованы в научных изданиях славянских переводов византийской гимнографии, при описании церковнославянских рукописей, для реконструкции аутентичного текста византийских гимнов и описания его рукописной истории, в исторической лексикографии русского литературного

и церковнославянского языков, в историко-литературных и сопоставительно-лингвистических исследованиях.

Основными методологическими принципами диссертационного исследования являются принципы системности и историзма. Основным **методом исследования** является метод филологического анализа текста, включающий в себя методологию сравнительного типологического и текстологического исследования произведения по рукописным спискам, разработанную в медиевистике, а также успешно применяемый в современной палеославистике лингвотекстологический метод (Л. П. Жуковская, А. М. Молдован, Л. Г. Панин, А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, Е. М. Верещагин, А. М. Камчатнов, Т. В. Пентковская, О. Г. Щеглова, Т. И. Афанасьева). Для решения поставленных задач использовались также элементы методов контекстуального, сопоставительного, лингвокультуроведческого и статистического анализа.

Исследование **выполнено на материале** более 70 церковнославянских (древнерусских, древнесербских и среднеболгарских) рукописных источников XI—XV вв., большую часть из которых составляют списки триоди постной и цветной, сохранившиеся полностью либо во фрагментах. Помимо этого, анализируемые триодные гимны: Акафист Богоматери, Великий покаянный канон Андрея Критского, Алфавитные стихирьы из последования Великого покаянного канона и Антифоны Великой Пятницы – рассматривались и в составе других сборников: кондакарей, стихирарей, псалтирей с воследованием. Наряду с рукописным славянским материалом для исследования привлекался материал опубликованных памятников церковнославянской письменности, научных и церковных изданий и рукописных источников по византийской гимнографии, исторических словарей и грамматик греческого, церковнославянского и древнерусского языков.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры источниковедения, литературы и древних языков федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет».

Основные идеи работы были изложены автором в докладах, прочитанных и обсужденных на следующих международных конференциях и симпозиумах: «Языки, культуры и книжности Великого княжества Литовского» (Вильнюс, 2008), «Эллинизм: культура, традиции и язык в российской государственности и в социуме Сибири» (Томск, 2009), «Славяне и греческий мир» (Афины, 2012), Третий международный конгресс по болгаристике (София, 2013), «Кирилл и Мефодий: Византия и славянский мир» (Фессалоники, 2013), Вторая международная конференция, посвященная 1000-летию присутствия русских на Святой Горе «Афон и славянский мир» (София, 2014), Второй симпозиум греческих славистов (Фессалоники, 2015), Третья международная конференция, посвященная 1000-летию присутствия русских на Святой Горе «Афон и славянский мир»

(Киев, 2015), Международная конференция, посвященная 600-летию избрания Григория Цамблака митрополитом Киевским и Литовским «Цамблаковские чтения» (Велико Тырново, 2015), Четвертые международные славянские чтения (Москва, 2015), Одиннадцатые Загребинские чтения «Византия – Балканы – Русь: перекрестки культурных путей» (Санкт-Петербург, 2016), «Влияние эллинизма на науку, культуру и образование современной эпохи» (Томск, 2016), «Греческо-русские связи в новый и новейший периоды» (XVIII – XX вв.) (Афины, 2016), «Язык как средство общения и межкультурных связей» (Афины, 2016), «Миссионерский, филологический и культурный вклад Кирилла и Мефодия в просвещение славянских народов и его значение в контексте дальнейшего углубления связей Греции и России» (Ираклион, 2016), «Русистика сегодня: традиции и перспективы» (София, 2016), «Климент Охридский в культуре Европы» (София, 2016), «Язык и культура: межкультурная антропология» (Ростов-на-Дону, 2017), «Русский язык и культура в зеркале перевода» (Афины, 2017), Шестая всероссийская научная конференция «Язык как система и деятельность» (Ростов-на-Дону, 2017), Третий симпозиум греческих славистов (Фессалоники, 2017), «Русская литература и ее связи с другими национальными литературами Европы» (Афины, 2018), Четвертая международная конференция «Россия и Греция: диалог культур» (Петрозаводск, 2018), Пятая международная конференция «Россия и Греция: диалог культур» (Петрозаводск, 2019).

По теме диссертации опубликовано 48 работ, в том числе две монографии, среди которых одна авторская и одна коллективная, и 46 статей, 16 из которых включены в перечень ВАК. Собранный материал нашел применение в курсах «Историческая грамматика русского языка», «История русского литературного языка», «Введение в церковнославянскую филологию», прочитанных для бакалавров факультета русской филологии и славяноведения Афинского национального университета им. И. Каподистрии (Афины, 2010 – 2019).

Логика решения исследовательских задач отражена в структуре диссертации. Работа состоит из Введения, двух частей, Заключения, библиографического списка, включающего 473 наименования, и списка использованных рукописных источников и принятых сокращений, помещенного в приложении. Первая часть, посвященная текстологической истории анализируемых переводных гимнографических текстов, состоит из пяти глав, в том числе из первой вводно-методологической главы, в которой дается краткий обзор истории изучения славянской триоди в текстологическом и лингвистическом аспектах, и четырех последующих глав, посвященных каждому из анализируемых произведений. В этих главах описываются исследуемые рукописные источники, содержащие текст славянского перевода конкретного произведения, определяются критерии построения их типологической и текстологической классификации, на основе которых славянские списки группируются в редакции и традиции, определяются отношения между данными редакциями и основные различия

между ними. Завершается каждая из глав стеммой рукописной истории славянского текста по проанализированным спискам.

Данное текстологическое исследование является необходимой предпосылкой лингвотекстологического изучения языка анализируемых текстов, предпринятого во второй части. Здесь разделение на главы проведено по другому принципу: наряду с вводно-методологической главой, посвященной истории и основным принципам лингвотекстологического метода, в нее включены три главы, посвященные анализу собственно лексических, лексико-словообразовательных и стилистических различий соответственно во всех анализируемых текстах. Диахронное изучение изменений в языке анализируемых текстов от редакции к редакции и последовательное применение лингвотекстологического метода позволило нам получить принципиально новые результаты в области исторической лексикологии, словообразования и стилистики, более точно воссоздать картину истории русского литературного языка в рассматриваемых аспектах и определить размеры и механизмы влияния, оказанного греческим языком на его развитие. В Заключении подводятся итоги работы и намечаются перспективы дальнейших исследований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** раскрывается актуальность темы исследования и его научная новизна, определяются объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи работы, описываются теоретическая и практическая значимость, методы и источники исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту, сообщаются сведения об апробации результатов диссертации и о структуре работы.

Первая часть работы («Текстологическое исследование церковнославянской переводной гимнографии из последования триоди»), состоящая из пяти глав, посвящена предварительным стадиям лингвотекстологического исследования: типологическому и текстологическому описанию рукописной истории анализируемых текстов. В первой главе данной части «История изучения триоди в отечественной и зарубежной филологии» дается краткий обзор наиболее значимых исследований XX – начала XXI вв., посвященных типологии славянской триоди. Отмечаются сложность типологического и текстологического изучения данного сборника, связанная с мозаичностью его состава. Особое внимание уделяется типологическим классификациям сборника, предложенным представителями разных палеославистических школ: И. Карабиновым, Л. Славевой, Г. Поповым и М. А. Моминой. В основу данных классификаций, основанных на анализе раннего церковнославянского рукописного материала, были положены различные принципы: состав служб и соотнесенность по данному признаку с основными типами византийской триоди, наличие оригинальных славянских песнопений, языковые особенности, различия, восходящие к вариантам

греческих списков в конкретных триодных текстах. Противоречия, наблюдаемые между данными классификациями, каждая из которых дает свою картину группировки и хронологической последовательности списков и редакций, свидетельствуют о невозможности восстановления единой текстологической истории славянской триоды, составленной из текстов различного происхождения, каждый из которых имеет собственную рукописную традицию. Таким образом, лингвотекстологическое исследование истории языка триодных текстов не может быть основано на данных типологических классификаций всего сборника в целом и должно обязательно предваряться типологическим и текстологическим исследованием конкретного гимнографического текста, входящего в состав данного сборника.

Типологическое исследование триоды постной и издание ее текста, начатое М. А. Моминой, выявило важность данного богослужебного сборника как лингвистического источника. Отмечается, что современные историко-лингвистические исследования триоды (Э. Црвенковская, Л. Макаријоска, О. В. Чевела) ограничивают объект исследования одной из конкретных местных традиций (западно-южнославянской или восточнославянской), что неминуемо приводит к неточным результатам не только относительно типологической и текстологической истории составляющих триодь текстов, но и при описании их языка, в частности, для выяснения происхождения и дальнейшей истории определенных лингвистических явлений и закономерностей. В связи с этим подчеркивается важность комплексного изучения византийской, южнославянской и восточнославянской традиций, в особенности, на начальных этапах славянской письменности, когда одни и те же редакции достаточно свободно перемещались по всему ареалу *Slavia Orthodoxa*.

Главы со второй по пятую первой части посвящены текстологическому анализу четырех конкретных гимнографических текстов триоды по церковнославянским спискам XII – XV вв. Подбор текстов, послуживших материалом для данного исследования, определялся различными параметрами: как сходствами (выдающимися художественными достоинствами, присутствием в славянской триоды, начиная с древнейших редакций, популярностью на славянской почве), так и различиями (вхождением в состав триоды постной или цветной, наличие или отсутствие алфавитного акростиха, цельность или разнородность состава), позволяющими на основе их анализа выявить определенные общие закономерности рукописной истории переводной славянской гимнографии.

Описание текстологической истории переводных гимнографических текстов, неоднократно исправлявшихся по греческому оригиналу, потребовало внести дополнения в традиционный понятийный инструментарий текстологического исследования. В рамках данного исследования мы пользовались терминами редакция, компиляция и традиция. **Редакцией** текста, вслед за М. А. Моминой, мы назвали «систематическую

правку текста, опирающуюся на греческий оригинал»², а также получившийся в результате такой правки текст. **Компиляцией** мы называем правку текста одной славянской редакции на основании другой и текст, возникающий в результате взаимовлияния различных славянских редакций без обращения к греческому оригиналу. Оба данных явления приводят к появлению разных **традиций** текста, то есть относительно закрытых от внешних влияний типов текста, представленных в одном или более списках, близких между собой. Как редакция, так и компиляция являются частными случаями традиции. Если в результате редакции славянский текст изменяется под влиянием греческого оригинала, то в результате компиляции возникают новые традиции славянского текста на основе смешения уже имеющихся славянских традиций. Появление компиляции предполагает сосуществование на одной территории в одно время, по крайней мере, двух традиций, причем ни одна из них не должна быть маркирована как «правильная».

Компиляции могли составляться двумя основными способами. При первом способе начало текста из одного источника достаточно механически присоединялось к концу из другого. Второй способ компиляции состоял в относительно равномерном «наполнении» текста одной редакции или традиции вариантами из другой, при этом нередко в новом тексте рядом употребляются «дублетные» переводы одной греческой словоформы. В любом из данных случаев компиляция, в отличие от редакции, не приближает, но отдаляет текст перевода от оригинала, и не систематична, но хаотична. Именно благодаря различению данных феноменов: редакции и компиляции – нам удалось описать сложные отношения между славянскими списками, сгруппировав их в ограниченное число редакций, и построить стеммы, графически представляющие отношения между изученными списками.

Во второй главе («Текстология церковнославянского перевода Акафиста Богоматери по спискам триоди постной XII – XV веков») объектом текстологического исследования является Акафист Богоматери – один из наиболее популярных на славянской почве текстов триодного цикла. Присутствие в оригинале текста алфавитного акростиха обусловило однородность византийской традиции в типологическом плане. Таким образом, в качестве первичного параметра при классификации славянских списков мы выбрали наличие или отсутствие воспроизведения акростиха при переводе. Данное воспроизведение, приведшее к существенным изменениям в структуре и тексте гимна, характеризует одну из двух древнейших славянских редакций Акафиста, по-видимому, связанную с кириллической традицией (об этом свидетельствует отсутствие в акростихе буквы «гервь»). В основу последующих редакций, созданных в процессе Преславских справ, была положена другая глаголическая редакция, сохранившаяся только в

---

² Момина М. А., Шварц Е. М. Рукописный прототип старопечатных московских Триодей XVI в // Древнерусская литература. Источниковедение. – Л.: Наука, 1984. – С. 190.

небольшом фрагменте в Битольской триоди³. Текстологическое исследование также выявило существование двух редакций, появление которых связано с периодом Преславских справ и локализовано в южнославянском (болгарском) регионе. Первая из них была перенесена на Русь, где функционировала изолированно от других редакций и традиций и потому сохранилась в чистом виде (*Гимовская редакция*). Сосуществование данной редакции в южнославянском регионе вместе с архаичной *Акростишной редакцией* обусловило появление многочисленных компиляций. Вторая редакция (*Хлудовская*) сохранилась практически исключительно в болгарских списках XIII – начала XIV веков. Текст Акафиста был подвергнут систематическому исправлению в процессе Афонской книжной справы (конец XIII – начало XIV века), появившаяся в результате редакция практически без изменений распространяется по всему южнославянскому региону, маркируется как «*правь изводъ*» и вытесняет более ранние редакции. Иной была ситуация в восточнославянском регионе. Здесь наряду с Афонской существует и смешивается с ней в многочисленных компиляциях новая редакция, отмеченная исключительно в русских списках и потому названная нами *Русской*. Интересно, что данная редакция была составлена на основе не Афонской, но другой значительно менее распространенной редакции того же периода, составленной либо на Афоне, либо в Болгарии и сохранившейся в чистом виде только в одном списке F.п.I.55⁴.

Вторая глава первой части («Великий покаянный канон Андрея Критского в церковнославянской книжности IX – XV веков») посвящена восстановлению рукописной истории церковнославянского перевода другого шедевра византийской гимнографии – Великого покаянного канона Андрея Критского. В отличие от Акафиста Богоматери Великий канон в греческом оригинале не содержал акростиха, что обусловило типологическую неоднородность византийской традиции гимна со значительными расхождениями между списками в составе и порядке тропарей. Именно этот параметр и был выбран в качестве основного при классификации списков церковнославянского перевода, состав и порядок тропарей которых отразил различные греческие традиции, использованные в качестве оригиналов для перевода и редактирования. Текстологический анализ показал наличие, по крайней мере, трех древнейших редакций, относящихся к до-преславскому периоду. Две из них сохранились только во фрагментах: первая, вероятно, связанная с кириллической традицией, в составе компиляции Загребской триоди⁵, вторая – в Битольской триоди. Именно эта редакция, изначально, видимо, связанная с глаголической традицией, легла в основу третьей и единственной дошедшей до нас в полном виде до-преславской редакции (*редакции А*). Характерной особенностью данной редакции была вставка трех

---

³ Триодь постная (*Битольская*), болгарская, XII в., архив Болгарской Академии наук (БАН), София, шифр 38.

⁴ Триодь постная, XV в., болгарская, Российская национальная библиотека, г. Санкт – Петербург, шифр F.п. I. 55.

⁵ Триодь постная и цветная (*Загребская*), македонская, XIII в., Загребский Архив, Скопие, шифр IV d 107.

неидентифицированных в греческой книжности тропарей в конце девятой песни. Дальнейшая рукописная история Великого канона связана с двумя последовательными этапами Преславской sprawy, отразившимися соответственно в *Гимовской* и *Хлудовской* редакциях. Южнославянское происхождение *Гимовской* редакции Великого канона, в чистом виде представленной исключительно в восточнославянских списках XIII – XIV вв., доказывается присутствием ее фрагмента (первой песни полностью) в древнеболгарских Загребской и Шафариковской⁶ триодях. Напротив, *Хлудовская* редакция как в чистом виде, так и в составе компиляций присутствует исключительно в болгарском регионе. Качественно новый этап истории церковнославянского перевода Великого канона начинается с Афонской sprawy конца XIII – начала XIV века. Редакция старца Иосифа, с середины XIV века сменившая все старые редакции на южнославянских территориях, а с XV века – в восточнославянском регионе, сделала текст не только более точным как с богословской, так и с художественной точки зрения, но и более поэтичным и гармоничным. Важным типологическим признаком данной редакции являются вставки тропарей из Канона в неделю о Страшном Суде Феодора Студита: двух в конце первой песни, одного в конце шестой и двух в конце восьмой. Последующие редакции и традиции не оказали существенного влияния на рукописную историю гимна, поскольку каждая из них представлена в единственном списке (Ф.п.I.55, РГБ 25⁷, Хил. 262⁸, F.I.125⁹). Однако наличие в них существенных лексических различий, а также типологических различий с Афонской редакцией, в том числе и неидентифицированных в греческой книжности тропарей (список Хил. 262), позволяет предположить, что процесс исправления славянского текста по различным греческим спискам продолжает идти, однако его результаты не получают широкого распространения.

Четвертая глава первой части («Алфавитные стихиры службы Великого покаянного канона Андрея Критского в церковнославянской книжности IX – XV веков») посвящена небольшому анонимному циклу из 24 стихир с алфавитным акростихом и инципитом Ἄπας ὁ βίος, в эпоху первых славянских переводов уже входившему в состав службы Великого покаянного канона. Выбор данного текста для текстологического анализа был обусловлен, помимо прочего, возможностью сопоставить результаты данного исследования с полученными ранее при анализе текстологии самого текста Великого канона, изложенными в третьей главе. Таким образом, появляются основания для суждения о том, имели ли тексты, входившие в одно последование, сходную рукописную историю, или редактирование и компилирование даже составляющих одну службу гимнов происходило

⁶ Триодь постная и цветная (*Шафариковская*), болгарская, конец XII – начало XIII в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр F.n.I.74.

⁷ Триодь постная, XIV в., русская, Российская государственная библиотека, Москва, шифр 25.

⁸ Триодь постная, сербская, середина XV в., собрание Хиландарского монастыря, шифр 262.

⁹ Триодь постная, 1466, болгарская, Российская национальная библиотека, г. Санкт – Петербург, шифр F. I. 125.

разными путями и давало разные результаты от списка к списку. Как и в проведённом ранее текстологическом анализе славянского перевода Акафиста Богоматери, и здесь на ранних (до-преславских) этапах истории славянской письменности существовало, по крайней мере, две редакции перевода стихир: с сохранением порядка стихир оригинала (Битольская триодь) и со значительными изменениями в структуре гимна с целью воспроизведения в переводе алфавитного акростиха оригинала (Сербская триодь¹⁰). Показательно, что Преславская справа, вновь проходившая в два этапа (*Гимовская* и *Хлудовская* редакции соответственно), основывалась на тексте акростишного перевода, однако справщик уже на первом этапе приводит структуру и текст цикла в соответствие с греческим оригиналом, удаляя из него акростих. Большинство как южнославянских, так и восточнославянских традиций данного текста, многие из которых представлены уникальными списками, представляют собой различного вида компиляции *Акростишной*, *Гимовской* и *Хлудовской* редакции, при этом фрагменты *Акростишной* редакции используются, как правило, без соблюдения принципа акростиха. На этапе Афонских книжных справ анализируемый нами цикл стихир был заменен на другой с инципитом Ἄνω τὸ ὄμμα – *горь очима мысленыма*. Таким образом, списки Афонской редакции: как южнославянские, так и восточнославянские, исключаются из данного текстологического исследования. Анализируемые стихиры были отмечены только в двух списках, написанных после Афонской книжной справки: болгарском Ф.п. I.55 с новой редакцией текста, сделанной на основе последовательного исправления *Хлудовской* редакции по греческому оригиналу, и РГБ 25, где писец компилирует старые редакции гимна, создавая в результате сильно контаминированный текст со значительными отличиями от греческого оригинала.

В пятой завершающей главе первой части («Антифоны Великой Пятницы в церковнославянской книжности IX – XV веков») объектом текстологического исследования является анонимный цикл из 15 антифонов разных гласов, исполняемых на утрени Великой Пятницы в промежутках между чтением первых шести из Двенадцати Евангелий Святых Страстей. Данный цикл имеет значительные типологические различия в византийской традиции, нашедшие свое отражение в типологическом разнообразии ранних славянских списков. Выбрав состав тропарей в каждом антифоне в качестве основного параметра для первичной классификации списков, мы выделили на его основе пять ранних (до Афонской книжной справки) редакций цикла, три из которых (редакции *А*, *Б* и *Е*) связаны с до-преславским периодом церковнославянской письменности, а две (редакции *Г* и *Д*) – с Преславской книжной справой. Основная часть различий касается завершающих каждый антифон богородичных тропарей. Значительные колебания в составе и количестве богородичных тропарей, а также использование в ряде списков на

---

¹⁰ Триодь постная и цветная, сербская, XIII в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр Ф.п.I. 68.

месте оригинальных богородичных тропарей часослова подтверждает гипотезу о позднейшем включении данных тропарей в греческий текст произведения. Славянские памятники воспроизводят две различные греческие традиции текста Антифонов: с одним богородичным в конце каждого антифона и с двумя (крестобогородичным и обычным богородичным). Несмотря на видимое сходство структуры последней традиции, в наиболее полном виде сохранившейся в восточнославянском (редакция Г) и сербском (*Евергетидская традиция*¹¹) регионах, с версией греческого текста, опубликованной А. Пападопулу-Керамевсом¹², различный состав богородичных тропарей исключает их общее происхождение. Существенные расхождения в составе тропарей между различными славянскими редакциями способствовали активному процессу компилирования между ними, отразившемуся в разнообразии традиций в южнославянских списках XIII – XIV вв. Однако после Афонской справки, в результате которой из текста антифонов были последовательно исключены крестобогородичные тропари, а состав прочих тропарей приближен к современной греческой традиции, новая Афонская редакция вытесняет все старые редакции и традиции в южнославянском регионе. Иная ситуация наблюдается в восточнославянском ареале, где вплоть до Никоновской справки XVII в. Афонская редакция сосуществовала с редакцией Г, воспроизводившейся преимущественно в стихирах, и смешивалась с ней в компиляционных традициях триодей.

Подводя общий итог текстологическому анализу гимнографических текстов, входивших в состав церковнославянской триоди, мы должны отметить, что каждый из рассмотренных нами в первой части работы гимнов имел свою собственную историю, не сводимую к типологической истории самого сборника. Данные различия касаются начального (до-афонского) периода в южнославянской книжности, где с XIV века возобладала единая Афонская редакция, основанная на одновременной систематической справе всех триодных текстов и вытеснившая из южнославянской книжности более старые редакции, и покрывают весь анализируемый период в восточнославянской книжности, где вплоть до Никоновской справки XVII века триодь строилась по принципу «мозаичности» с включением в один сборник текстов из различных редакций и традиций. Если в Акафисте Богоматери в восточнославянской книжности XV века сосуществовали *Афонская* редакция и известная только в восточнославянском ареале *Русская* редакция, составленная на основе южнославянской редакции Ф.п. I. 55, в Великом каноне и его стихирах за исключением периферийного списка РГБ 25 практически исключительно господствовала *Афонская* редакция, то текстология Антифонов Великой Пятницы показала, что *Афонская* редакция

---

¹¹ Триодь постная и цветная, сербская, XIII в., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, шифр Ф. п. I. 92; Триодь постная и цветная, сербская, 1328, Национальная библиотека Сербии, Белград, шифр 645.

¹² Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α. Ανάλεκτα Ιεροσολυμιτικής σταχυολογίας. – Εν Πετρούπολει, 1897. – Τ. 2. – С. 116 – 133.

существовала здесь с ранними редакциями, возникшими в результате Преславской sprawy, воспроизводившимися как в чистом виде, так и в компиляциях с *Афонской*.

Другой вывод, который делается нами на основе сопоставления результатов текстологических исследований, изложенных в первой части диссертационной работы, касается болгарского происхождения всех церковнославянских редакций проанализированных текстов вплоть до *Афонской* книжной sprawy. Данный вывод относится и к редакциям, в чистом виде сохранившимся только в списках из других славянских регионов, таким как *Акростишная* (древнесербские списки) или *Гимовская* (восточнославянские списки). Отметим, что присутствие как отдельных вариантов, так и целых крупных фрагментов текста *Гимовской* редакции в ранних болгарских и сербских списках (конец Акафиста Богоматери из Загребской триоди, первая песнь Великого канона Шафариковской и Загребской триодей, крестобогородичные тропари Антифонов Великой Пятницы Орбельской триоди и триодей Евергетидского типа и т. д.) исключает восточнославянское происхождение данной редакции и свидетельствует о ее составлении в Болгарии в рамках Преславской sprawy. При этом не случайно, что Болгария – родина всех основных редакций – сохранила относительно ранние *Акростишную* и *Гимовскую* редакции не в чистом виде, но лишь в сочетании либо между собой, либо с другими типами. Напротив, сербская и русская письменность, своеобразные литературные «периферии» того времени, получали в готовом виде лишь одну из созданных в Болгарии редакций и могли сохранить ее изолированно. Таким образом, данные книжности оказались «литературами-хранительницами» для *Акростишной* и *Гимовской* редакций соответственно, донеся до нас их чистые типы.

Выявленные в результате текстологического исследования, проведенного в первой части работы, основные редакции каждого из четырех произведений, относительно чистые и компиляционные традиции в пределах редакций, а также показательные списки для каждой из них были взяты за основу последующего лингвотекстологического исследования, которому посвящена **вторая часть** диссертационного исследования.

В первой вводной главе данной части («Задачи и проблемы изучения языка церковнославянских гимнографических текстов лингвотекстологическим методом») дается краткий обзор методологических работ по лингвотекстологии (Л. П. Жуковская, Л. Г. Панин, А. М. Молдован и другие) и обосновывается правомерность и результативность использования лингвотекстологического метода, основные принципы которого были разработаны на основе исследования других памятников традиционного содержания, для анализа гимнографического материала, однако при условии, что в качестве объекта исследования будут выбраны не гимнографические сборники, но конкретные тексты. Важность проведения предварительных этапов лингвостилистического анализа, включающих в себя типологическое и текстологическое исследование конкретного

гимнографического текста, особенно велика при изучении исторических изменений, происходящих на словообразовательном и лексическом уровнях языка, поскольку появление собственно лексических и лексико-словообразовательных различий, как правило, связано с сознательным редактированием текста. Мы отмечаем особую перспективность лингвотекстологического изучения гимнографических текстов, неоднократно исправлявшихся по греческим спискам и вследствие своей сакральной природы стремившихся к возможно точному межъязыковому соответствию, для анализа влияния греческого языка на церковнославянский и русский языки, а также изучения данных поэтических произведений в контексте исторической стилистики.

Во второй главе второй части («Лингвотекстологическое исследование лексических вариантов гимнографических текстов как источник исторической лексикологии») демонстрируется перспективность лингвотекстологического исследования собственно лексических различий в разновременных редакциях церковнославянского перевода конкретных (одного или нескольких) греческих текстов для изучения изменений в лексической системе церковнославянского языка и хронологизации данных изменений. Использование этого метода позволяет проанализировать лексические процессы церковнославянского языка в их исторической перспективе и избежать неточностей и субъективных оценок, связанных с языковыми предпочтениями конкретных редакторов и писцов, неизбежно возникающих при работе с отдельными списками.

В первом параграфе главы проводится лингвотекстологический анализ особенностей использования при переводе в принимающем языке лексем исходного (греческого) языка. Предметом исследования были лексические варианты разноязычного происхождения в списках XII – XV в. анализируемых произведений. Таким образом, для исследования привлекались только те заимствованные слова из языка-источника (грецизмы и гebraизмы), на месте которых, по крайней мере, в одной из редакций использовались славянские соответствия (как исконно славянская лексика, так и уже адаптированная в данный период в принимающем языке лексика иноязычного происхождения). На основе анализа 17 двухчленных или трехчленных групп двуязычных вариантов делается вывод об ограниченности применения лексического заимствования в качестве способа языкового расширения славянскими книжниками и о сознательном ограничении его случаями отсутствия в принимающей культуре конкретного понятия или реалии. По мере развития церковнославянского языка частота использования заимствований из греческого языка сокращается, в ряде случаев редакторы заменяют заимствование на уже существовавший в языке славянский эквивалент либо создают методом калькирования новое слово из славянских морфем. В тех случаях, когда редакторы, наоборот, исправляют славянское соответствие на лексическое заимствование, это связано с внутренними потребностями системы принимающего языка: необходимостью дифференцировать на лексическом уровне близкие, но не

тождественные понятия либо терминологически точно определить новые культурные реалии. Сознательный отказ славянских книжников от широкого введения в язык заимствованной лексики уже с ранних этапов истории церковнославянского языка определил основной вектор его развития, нацеленный, прежде всего, на использование внутренних ресурсов и на системное, а не механическое внешнее влияние.

Особенности данного системного влияния мы проследили на материале лексики двух тематических групп: абстрактной лексики тематического поля «красота» (параграф 2) и лексико-семантических групп глаголов с семантикой зрения и с семантикой речи (параграф 3). Сопоставление одновременных лексических вариантов перевода лексем данных тематических групп показало, что на начальных периодах своей истории (IX – XIII вв.) церковнославянский язык еще не мог в полной мере отобразить лексическое богатство греческого языка как в области абстрактных понятий, связанных с христианской культурой, так и в нейтральной лексике. Отсутствие лексической дифференциации при переводе греческой близкой по значению, но не полностью синонимичной лексики было следствием как в целом более низкой ступени развития славянского языка, только начавшего свою письменную историю, в сопоставлении с опиравшимся на многовековые письменные традиции греческим языком, так и иных переводческих техник, не ставивших своей задачей пословную корреляцию. Дальнейшие исправления, производимые в конкретном переводном тексте в процессе его последовательного редактирования, показывают постепенное обогащение лексической системы церковнославянского языка и приближение её к аналогичной системе греческого языка. Процесс этот осуществлялся путем, с одной стороны, дифференциации семантики уже существовавших в языке лексических вариантов, а с другой – обогащения языка синонимичной лексикой. Однако результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что «калькирование» лексической системы греческого языка не приводило к ее механическому «дублированию» в иных языковых реалиях. Принимающая языковая система создает иные системные отношения между элементами, переосмысляя не только данные отношения, но и характеристики самих элементов. В частности, развитие в церковнославянском и древнерусском языках новой лексико-грамматической категории глагольного вида создает из бывших синонимов супплетивные видовые пары. Даже в том случае, когда славянским редакторам удается достичь пословного соответствия греческого и церковнославянского языков, то есть закрепления за каждой лексемой греческого языка постоянного славянского эквивалента, как это было, в частности, с эстетической терминологией, внутренние закономерности развития каждой языковой системы, различия во внутренней форме лексических корреляций порождают различные коннотации и создают «асимметрию» в восприятии данных элементов носителями обоих языков.

Перспективность использования гимнографического материала, анализируемого при помощи лингвотекстологического метода, как источника

исторического словообразования показана в третьей главе второй части («Лингвотекстологическое исследование лексико-словообразовательных вариантов гимнографических текстов как источник исторического словообразования»). Здесь предметом исследования были церковнославянские варианты перевода греческих композитов (первый и второй параграф) и приставочных дериватов (третий параграф) на примере слов с префиксом $\sigma\upsilon\upsilon$ -. Проведенное исследование, выполненное на основе церковнославянских редакций IX – XV вв. четырех анализируемых текстов, показало разнообразие собственно лексических и лексико-словообразовательных вариантов, возникших в результате различной передачи греческих слов анализируемых групп, связанное как с различным состоянием языковой системы принимающего языка, так и с различными переводческими техниками (в частности, было выделено 5 способов перевода греческих сложных слов на церковнославянский язык и 8 способов перевода дериватов с префиксом $\sigma\upsilon\upsilon$ -), соотношение между которыми на разных этапах истории языка отличалось. На ранних этапах калькирование структуры греческого сложного слова или префиксального деривата являлось не целью перевода, но лишь одним – наряду с другими – способом передачи семантики греческих слов славянскими языковыми средствами, а переводчик не стремился установить однозначные лексические, морфологические и структурные соответствия между двумя языками, не избегая вариантности в передаче как определенных языковых единиц, так и языковых моделей (структур) исходного языка в языке принимающем. В связи с этим в ранних церковнославянских переводах мы наблюдаем множество вариантов перевода одной морфемы в зависимости от контекста и морфемного окружения. Так, например, один и тот же греческий корень в составе композита мог переводиться отдельным словом, деривативной морфемой либо заимствоваться (см. варианты перевода слов с корнем $\acute{\alpha}\rho\chi$ -: $\mu\alpha\tau\rho\iota\acute{\alpha}\rho\chi\eta\varsigma$ – *патриархъ*, $\acute{\epsilon}\kappa\alpha\tau\omicron\nu\tau\acute{\alpha}\rho\chi\eta\varsigma$ – *сътъникъ*, $\acute{\alpha}\rho\chi\acute{\epsilon}\kappa\alpha\kappa\omicron\varsigma$ – *начальникъ зълоу*), отдельным словом, корнем либо префиксом (см. варианты перевода слов с корнем $\mu\upsilon\lambda\omicron$ -: слово *прѣжде*, корень *прѣв*-, приставка *прѣд*-; $\mu\omicron\lambda\upsilon$ -: слова *мъногъ* и *великыи*, корень *мъног*-, приставка *прѣ*-), словом или корнем ($\theta\epsilon\omicron$ -: слова *богъ* и *божии*, корень *бог*-; $-\lambda\omicron\gamma$ -: слова *слово* и *нарицати*, корень *слов*-), корнем или префиксом ($\mu\alpha\upsilon$ -: корень *вѣс*-, приставка *прѣ*-), корнем либо суффиксом ($\acute{\epsilon}\rho\gamma$ -: корень *дѣл*-, суффикс *-иц*-), а также различными корнями ($\epsilon\upsilon$: *благ*- и *добр*-, $\acute{\omicron}\mu\omicron$ -: *един*- и *коупн*-).

Осознанное стремление книжников не только к семантической, но и к структурной эквивалентности перевода оригиналу проявляется на более поздних этапах развития церковнославянского языка и характеризует его состояние в период проведения Афонской книжной sprawy (конец XIII – начало XIV века). К этому моменту количество калек в анализируемых группах слов возрастает практически вдвое, достигая наибольшего количества в редакции F.p.I.55 (в трех из четырех анализируемых

произведениях, отмеченных в данной редакции). Одной из причин, вызвавших интенсификацию процесса калькирования на данных этапах развития церковнославянского языка, стало стремление книжников к однозначному соответствию не только на лексическом, но и на морфологическом уровне между исходным и принимающим языком. Усиленное влияние греческого языка на церковнославянский на структурном уровне в указанный период проявляется, в частности, в стремлении к единообразию в переводе корней греческого языка и вытеснении из языка корней, не имеющих точных греческих эквивалентов (в частности, корня *добр-*, систематически заменяемого на *благ-* для передачи греческого εὖ-), а также в изменении порядка корней славянских композитов для достижения структурного соответствия со словами исходного языка. Попытка найти для каждой морфемы (корня или словообразовательного аффикса) греческого языка церковнославянский эквивалент вне зависимости как от морфемного окружения, так и, тем более, от контекста слова привела к необходимости создания большого числа новых слов, лишь часть из которых в дальнейшем закрепились в языке.

С другой стороны, наблюдение над особенностями протекания процесса калькирования в диахронном аспекте, возможные на основе использования лингвотекстологического метода, позволяют понять, как исторически менялись отношения между передающим и принимающим языком. Так, на процесс калькирования приставочных дериватов в области глагольного словообразования оказала существенное влияние активно развивавшаяся в церковнославянском языке категория глагольного вида, использовавшая префиксальную деривацию в качестве одного из основных средств перфективации. Префиксы с семантикой, не связанной с временным либо пространственным пределом и обладающей низким аспектным потенциалом, в число которых попала и комитативная семантика, выражаемая греческой приставкой *συν-* и ее славянским аналогом приставкой *съ-*, в церковнославянском языке используются в полной мере только в именной деривации, глагол же в значительной степени теряет способность выражать данные значения, передавая их предложно-падежным конструкциям зависимых именных частей речи. Это приводит к потере продуктивности комитативной приставки *съ-* в глагольном словообразовании, к замене или переосмыслению части калек, созданных на ее основе и, в целом, к неустойчивости данных новообразований в системе принимающего языка.

В последней четвертой главе второй части («Лингвотекстологическое исследование разночтений гимнографических текстов как источник исторической стилистики») впервые сделана попытка применить лингвотекстологический метод к исследованию проблем, связанных с поэтической структурой средневековой славянской гимнографии и рецепцией поэтических средств византийской поэтики в церковнославянском языке. На основе данного метода можно составить диахронную картину не

просто отдельных случаев воспроизведения или невоспроизведения в переводе конкретных стилистических приемов исходного текста, но и всего явления в его целостности и исторической перспективе, а также в его восприятии средневековыми славянскими книжниками. В рамках данной главы мы рассмотрели особенности перевода и рецепции в славянских переводах следующих поэтических средств византийских текстов: алфавитного акростиха, параномазии (этимологически немотивированных звуковых повторов), паронимии (этимологически мотивированных звуковых повторов), лексических повторов и синтаксического параллелизма. Результаты исследования свидетельствуют о различиях в рецепции данных средств в церковнославянской книжности: параномазия при переводе в абсолютном большинстве случаев не воспроизводится, алфавитный акростих в первых переводах воспроизводится, но впоследствии не воспринимается славянской аудиторией и постепенно исчезает, тогда как паронимия, лексические повторы и синтаксический параллелизм, как правило, не только воспроизводятся славянскими книжниками, но и сохраняются последующими писцами и редакторами, что свидетельствует о их важной роли в создании славянского гимнографического текста.

Показательна в данной связи история алфавитного акростиха в ранних славянских переводных гимнах, описанная во втором параграфе данной главы. На основе лингвотекстологического анализа списков Акростишных редакций Акафиста Богоматери и Азбучных стихир Великого покаянного канона нам удалось показать, как алфавитный акростих, воспроизведенный в первых славянских переводах, разрушается не только редакторской правкой, но и бессознательными ошибками писцов, что свидетельствует об игнорировании данного приема и его поэтических возможностей у славянской аудитории X – XIV вв. По всей видимости, в данный период славянские книжники отдают предпочтение поэтическим средствам, связанным с семантикой, и игнорируют в своем переводе чисто формальные поэтические приемы (параномазию и акростих), что свидетельствует о том, что данные средства не были восприняты принимающей культурой, по крайней мере, на начальных этапах церковнославянской книжности, а также об ином, в сопоставлении с византийской культурой, понимании поэтики художественного текста в целом.

Результаты сопоставительного анализа выявили различия в подходе на разных этапах славянской книжности к воспроизведению в переводе поэтической структуры оригинала. Особой поэтической чуткостью и талантом обладали создатели первого славянского перевода и Афонской редакции. Однако славянский текст отразил их разное отношение к переводимому оригиналу. Если создатели первых переводов относятся к византийскому тексту достаточно свободно, стремясь не к копированию, но скорее к сотворчеству во всем, что касается его образной структуры, нередко прибегая к методу парафразы, то справщики Афонской редакции пытаются совместить буквальную точность с точностью поэтической. Это во многом им удается благодаря качественно новому состоянию церковнославянского

языка, существенно обогатившему за прошедшие века свой лексический запас и образность. При этом создатели как ранних, так и Афонских редакций не только переносили в иную языковую среду поэтические средства исходного текста, но и создавали собственную языковую образность в духе византийского оригинала на основе активного использования возможностей принимающего языка. Бережное отношение последующих писцов, справщиков и редакторов как к перенесенным, так и к заново созданным поэтическим средствам проявляется в сохранении данных средств на протяжении многовековой рукописной истории славянских гимнов, несмотря на все сознательные и бессознательные изменения, вносимые в текст. В частности, редакторские правки, преследовавшие различные цели и существенно изменившие вид церковнославянских переводных гимнов, как правило, не затрагивали участков или элементов текста, в которых ранним переводчикам удавалось достичь не только содержательно точного, но и художественно адекватного перевода. Напротив, от редакции к редакции степень воспроизведения образных средств византийского оригинала растет. Все это указывает на сознательное стремление книжников передать в переводе не только смысловую, но и художественно-изобразительную составляющую греческого гимна.

В Заключении подведены основные итоги исследования и намечены перспективы для дальнейшей работы. На основании обобщения результатов текстологического анализа выделяются основные этапы переводческой и редакторской деятельности в церковнославянской книжности IX – XV вв., связанные с ранним (до-преславским) периодом, периодом Преславских справ и периодом Афонских справ соответственно. Каждый из данных этапов отличается не только особыми переводческими техниками, но и принципиально иным подходом к переводу священного и одновременно поэтического текста: от относительно вольных переводов-парафразов начальных этапов, вносящих существенные изменения в структуру и текст переводимого гимна во имя выполнения определенных художественных задач, к дословно более точным, однако значительно обедненным в лексическом и стилистическом плане редакциям Преславского периода и, наконец, к Афонским редакциям, в которых стремление к дословной верности совмещается с новым филологическим подходом, с поисками глубинной – морфологической – точности, к сознательному и планомерному обогащению языка и формированию в принимающем языке системы соответствий для каждой лексемы (а иногда и морфемы) исходного языка. Именно на этом этапе качественно новое состояние церковнославянского языка, обогащенного благодаря глубинному системному влиянию греческого языка, а также глубокий и скрупулезный филологический анализ текста позволили редактору с высокой степенью точности передать не только содержание, но и поэтическую структуру гимнов, что достигается не в ущерб, а параллельно с пословной точностью перевода.

Подводя общий итог работы, мы отмечаем перспективность лингвотекстологических исследований переводных гимнографических

текстов для описания истории церковнославянского и русского литературного языков. Сделанный на основе текстологической классификации лингвотекстологический анализ способен дать объективную картину истории языка переводного текста на рассматриваемом временном срезе и является эффективным способом изучения истории языка в целом, а также процессов взаимовлияния языков, проявляющихся при переводе.

В **Приложении** приводится список использованных для исследования рукописных источников, а также изданий анализируемых текстов. Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях** автора:

Научные статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Борисова, Т. С. К вопросу о рукописном прототипе старопечатной «Триоди Постной» 1491 года / Т. С. Борисова // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. – Новосибирск, 2010. – Вып. 2 (9). – С. 105 – 114 (1 п. л.).
2. Борисова, Т. С. К истории ранних редакций церковнославянского перевода Великого Покаянного Канона Андрея Критского / Т. С. Борисова // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. – Новосибирск, 2011. – Вып. 2 (10). – С. 52 – 61 (1 п. л.).
3. Борисова, Т. С. Редакция Акафиста Богоматери «Битольской Триоди»: к восстановлению ранних этапов истории церковнославянского текста / Т. С. Борисова // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. – Новосибирск, 2011. – Вып. 9 (10). – С. 111 – 117 (0,65 п. л.).
4. Борисова, Т. С. Текстологический анализ ранних (до Афонской sprawy XIV века) редакций стихир из последования Великого покаянного канона Андрея Критского / Т. С. Борисова // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2017. – № 2. – С. 249 – 270 (0,9 п. л.).
5. Борисова, Т. С. Акафист Богоматери в ранней сербской традиции: о влиянии Акростишной редакции на Триоди Евергетидского типа / Т. С. Борисова // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. – Новосибирск, 2017. – Вып. 2 (16). – С. 110 – 124 (1,1 п. л.).
6. Борисова, Т. С., Табаченко Л. В. Методические принципы семантизации пространственных приставок при преподавании русского языка греческим студентам / Т. С. Борисова, Л. В. Табаченко // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. – Ростов-на-Дону, 2017. – № 3. – С. 216 – 227 (0,8 п. л.).
7. Борисова, Т. С. О влиянии греческого языка на формирование системных связей лексики церковнославянского языка (на материале лексического варьирования в редакциях перевода Акафиста Богоматери)

- / Т. С. Борисова // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. – Новосибирск, 2017. – № 9 (16). – С. 94 – 105 (0,7 п. л.).
8. Борисова, Т. С. Церковнославянский канон и его переосмысление в эпоху барокко: на материале книги «Руно орошенное» Димитрия Ростовского / Т. С. Борисова // Известия Южного Федерального университета. Филологические науки. – Ростов-на-Дону, 2019. – № 1. – С. 58 – 66 (0,6 п. л.).
  9. Борисова, Т. С. Диахронный аспект в изучении поэтики церковнославянских переводных гимнографических текстов / Т. С. Борисова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. – Петрозаводск, 2019. – № 3 (180). – С. 75 – 80 (0,75 п. л.).
  10. Борисова, Т. С. К вопросу о существовании древнерусской редакции славянских богослужебных книг (на материале восточнославянских списков Антифонов Великой Пятницы XI – XIV веков) / Т. С. Борисова // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. – Новосибирск, 2019. – № 2 (18). – С. 15 – 30 (0,85 п. л.).
  11. Борисова, Т. С. Крестобогородичные тропари Антифонов Великой Пятницы (опыт текстологического анализа по спискам XI – XIV веков) / Т. С. Борисова // Вестник Новосибирского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Новосибирск, 2019. – № 2 (17). – С. 14 – 26 (0,9 п. л.).
  12. Борисова, Т. С. К вопросу о цельности и вариативности средневекового текста: на материале переводной церковнославянской гимнографии триодного цикла / Т. С. Борисова // Текст. Книга. Книгоиздание. – Томск, 2019. – Вып. 19. – С. 5 – 22 (0,85 п. л.).
  13. Борисова, Т. С. Лексическое заимствование или славянское соответствие: опыт лингвотекстологического анализа лексических вариантов на начальных этапах славянской гимнографии / Т. С. Борисова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – Томск, 2019. – Вып. 60. – С. 5 – 18 (0,6 п. л.).
  14. Борисова, Т. С. Об особенностях перевода греческих сложных слов на начальных этапах церковнославянской книжности / Т. С. Борисова // Вестник Томского педагогического университета. – Томск, 2019. – Вып. 7 (204). – С. 40 – 47 (0,7 п. л.).
  15. Panin, L. G., Borisova, T. S. Comparative linguistic textological analysis as a means of research into the evolution of the derivation system (on the early church slavonic translations of Greek words with the prefix *συν-*) / L. G. Panin, T. S. Borisova // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – Krasnoyarsk, 2019. – Vol. 12 (10). – P. 1887–1903 (1 п. л.).

Публикации в базах данных WoS и Scopus

16. Borisova, T. To the Problem of the Reconstruction of the Early Stages of the History of the Church Slavonic Translation of the Akathistos Hymn /

Т. Borisova // *Scrinium. Revue de patrologie, d'hagiographie critique et d'histoire ecclesiastique.* – СПб., 2009. – Vol. 5. – P. 300 – 316 (0,95 п. л.).

17. Борисова, Т. С. Книжная справа XVII века в истории церковнославянского перевода Акафиста Богоматери / Т. С. Борисова // *Сибирский филологический журнал.* – Новосибирск, 2020. – № 2. – С. 266 – 276 (0,65 п. л.).

Монографии

18. Борисова, Т. С. Текстология церковнославянских переводов византийских гимнографических текстов по спискам Триоди постной XII – XV веков / Т. С. Борисова. – Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 2016. – 280 с (16 п. л.).
19. Борисова, Т. С. Греческое искусство слова в русской культуре: об особенностях передачи поэтической структуры текста в церковнославянских переводах византийской гимнографии / Т. С. Борисова // *Влияние эллинизма на науку, культуру и образование современности: коллективная монография / под ред. Т. П. Минченко, С. Б. Куликоса, Ю. А. Шичалина, И. Маронитиса, Г. Марнеллоса, Т. С. Борисовой, М. Панагиотопулу* – Томск, 2016. – С. 280 – 293 (0,65 п. л.).

Статьи по теме диссертации в периодических научных изданиях и сборниках

20. Борисова, Т. С. Формирование системы символов церковнославянского языка / Т. С. Борисова // *Язык памятников церковнославянской письменности.* – Новосибирск, 1995. – С. 38 – 57 (1 п. л.).
21. Борисова, Т. С. К теории символа в церковнославянском языке / Т. С. Борисова // *История языка.* – Новосибирск, 1999. – С. 20 – 27 (0,45 п. л.).
22. Борисова, Т. С. Символ в православной культуре / Т. С. Борисова // *Филолог.* – Новосибирск, 2002. – № 3. – С. 8 – 12 (0,45 п. л.).
23. Борисова, Т. С. К истории ранних редакций церковнославянского перевода Акафиста Богоматери / Т. С. Борисова // *Τέχνη γραμματικῆ.* – Новосибирск, 2004. – Вып. 1. – С. 40 – 57 (1 п. л.).
24. Борисова, Т. С. К определению понятия текстологической компиляции (на материале рукописной истории церковнославянского перевода Акафиста Богоматери) / Т. С. Борисова // *Τέχνη γραμματικῆ.* – Новосибирск, 2008. – Вып. 3. – С. 80 – 99 (1,1 п. л.).
25. Борисова, Т. С. Акафист Пресвятой Богородице и его история / Т. С. Борисова // *Новосибирская Епархия РПЦ. Богословский сборник.* – Новосибирск, 2008. – Вып. 4. – С. 37 – 60 (1 п. л.).

26. Борисова, Т. С. Акафист Богоматери в книжности Великого Княжества Литовского / Т. С. Борисова // *LDK Kalbos, Kulturos ir Rastijos Tradicijos*. – Vilnius, 2009. – С. 126 – 136 (0, 75 п. л.).
27. Борисова, Т. С. О влиянии византийской церковной поэзии на русскую культуру (на материале церковнославянского перевода Акафиста Богоматери) / Т. С. Борисова // Материалы I междунар. науч.-практ. конф. «Эллинизм: культура, традиции и язык в российской государственности и в социуме Сибири» (г. Томск, 30 – 31 октября 2009 г.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – С. 153 – 161 (0,45 п. л.).
28. Борисова, Т. С. Ранние редакции древнейшего славянского перевода Акафиста Богоматери как пример славянского акростиха / Т. С. Борисова // *Palaeobulgarica*. – София, 2012. – № 1 (36). – С. 66 – 79 (0, 85 п. л.).
29. Borisova, T. Old Church Slavonic Translation of the Great Canon of Repentance by St. Andrew of Crete: the Earliest Stages of History / T. Borisova // *Cyrrillomethodianum*. – Thessaloniki, 2014. – Vol. XIX. – P. 53 – 66 (1 п. л.).
30. Μπορίσοβα, Τ. Ο Μέγας Κανών του Ανδρέου Κρήτης και η μετάγγισή του στον κόσμο των Σλάβων: αρχικά στάδια της ιστορίας του παλαιοσλαβικού κειμένου / Τ. Μπορίσοβα // *Σλάβοι και Ελληνικός Κόσμος. Πρακτικά Α' Επιστημονικής Ημερίδας Τμήματος Σλαβικών Σπουδών*. – Αθήνα: Library of Pelekanos, 2014. – Σ. 75 – 89 (1 п. л.).
31. Борисова, Т. С. К проблеме возникновения славянской церковной поэзии: воспроизведение поэтических средств в раннеславянских переводах византийской гимнографии / Т. С. Борисова // *Universum Humanitarium*. – № 1. – Новосибирск, 2015. – С. 40 – 57 (0,8 п. л.).
32. Μπορίσοβα, Τ. Η Βυζαντινή τέχνη του Λόγου στον κόσμο των Σλάβων. Δύο αποδόσεις της αλφαβητικής ακροστιχίδας στις παλαιότερες σλαβικές μεταφράσεις των βυζαντινών ύμνων / Τ. Μπορίσοβα // *Κύριλλος και Μεθόδιος: το Βυζάντιο και ο Κόσμος των Σλάβων*. – Θεσσαλονίκη, 2015. – Σ. 512 – 524 (0,65 п. л.).
33. Борисова, Т. С. К истории ранних редакций церковнославянского перевода Великого покаянного канона Андрея Критского: Песнь первая в древнесербской традиции / Т. С. Борисова // *Црквене Студије*. – Вып. 12. – Ниш, 2015. – С. 475 – 487 (0,6 п. л.).
34. Borisova, T. On the Problem of the Transmission and the Ensuing Adoption of Byzantine Acrostic in the Early Ecclesiastical Slavonic Translation of the Hymnography / T. Borisova // *Fragmenta Hellenoslavica*. – Vol. 2. – Thessaloniki, 2016. – P. 113 – 136 (0,6 п. л.).
35. Борисова, Т. С. К вопросу о ранних этапах истории славянской Триоди постной (на материале алфавитных стихир из службы Великого покаянного канона Андрея Критского) / Т. С. Борисова // *Paleobulgarica*. – София, 2016. – № 2 (40). – С. 74 – 92 (1 п. л.).
36. Борисова, Т. С. Древнеболгарские источники Загребской триоди. / Т. С. Борисова // 100 години Кирилometодиевистика в България.

- Идентифициране на Еврейски и Християнски Модели в Литературата. – София, 2016. – С. 307 – 319 (0,7 п. л.).
37. Μπορίσοβα, Τ. Το κάλλος και η ωραιότητα στις σλαβικές μεταφράσεις της βυζαντινής υμνογραφίας βάσει των Εκκλησιαστικών Σλαβονικών εκδοχών του Μεγάλου Κανόνα του Άγιου Ανδρέου Κρήτης / Τ. Μπορίσοβα // Από καρδιάς. Μνήμη Δημητρίου Χ. Πάντου. – Αθήνα, 2016. – Σ. 319 – 333 (0,75 π. л.).
38. Борисова, Т. С. Афонская редакция церковнославянского перевода Великого покаянного канона св. Андрея Критского в славянской литургической традиции / Т. С. Борисова // Афон и славянский мир. Сборник 3. Материалы III международной конференции «Афон и славянский мир. К 1000-летию присутствия русских на Афоне» (Киев, 21 – 23 мая 2015 г.). – Афон, 2017. – С. 247 – 257 (0,7 п. л.).
39. Борисова, Т. С. Алфавитный акростих на ранних этапах славянской книжности: о судьбе акростишных переводов византийских гимнографических текстов / Т. С. Борисова // Византия – Балканы – Русь: Перекрестки культурных путей. Материалы международной научной конференции XI Загребинские чтения (Санкт-Петербург, 4 – 5 октября 2016 г.). – СПб., 2017, – С. 9 – 17 (0,6 п. л.).
40. Борисова, Т. С. Великий покаянный канон Андрея Критского и каноны Кирилла Туровского: о роли византийской традиции в формировании оригинальной восточнославянской гимнографии / Т. С. Борисова // Материалы научной конференции с международным участием «Русистика сегодня: традиции и перспективы» (София, 23 – 25 ноября 2016 г.). – София, 2017. – С. 598 – 607 (0,6 п. л.).
41. Борисова, Т. С. О соотношении характеристик передающего и принимающего языка при переводе художественных текстов (на материале церковнославянской гимнографии) / Т. С. Борисова // Материалы международной научной конференции «Язык и культура: международная антропология», посвященной 50-летию каф. русского языка для иностранных учащихся ЮФУ (Ростов-на-Дону, 22 – 25 марта 2017 года). – Ростов-на-Дону, 2017, – С. 11 – 17 (0,75 п. л.).
42. Борисова, Т. С. Об истории формирования системы поэтических средств русского языка (на материале церковнославянского перевода византийского «Алфавитаря» Григория Богослова) / Т. С. Борисова // Язык как система и деятельность. Материалы всероссийской научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2017. – С. 51 – 55 (0,65 п. л.).
43. Борисова, Т. С. Греческий и церковнославянский язык в системе православного образования / Т. С. Борисова // Христианство и педагогика: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. – Пенза, 2017 – Т. 2. – С. 90 – 100.
44. Borisova, T. The place and the functions of text incorporations on the multifaceted icons in the Cretan and Russian baroque tradition / T. Borisova // ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics. – Томск, 2017. – № 3 (13). – P. 71 – 85 (0,85 п. л.).

45. Borisova, T. The Role of the Aesthetic Factor of the Text in the Byzantine Mission and in the Early Slavonic Literature: On the Material of the Church Slavonic Translation of the Poetic Abecedarium by Saint Gregory the Theologian / T. Borisova // *Fragmenta Hellenoslavica*. – Thessaloniki, 2017. – Vol. 4. – P. 27 – 46 (0, 65 п. л.).
46. Borisova, T. On the History of the Early Slavonic Acrostic Translations of the Byzantine Hymnography: the Alphabetic Stichera from the Service of the Great Canon of Repentance / T. Borisova // *Святой Климент Охридски в културата на Европа*. – София, 2018. – С. 643 – 653 (0, 65 п. л.).
47. Borisova, T. The Great and Holy Friday Antiphons in the Early Ecclesiastical Slavonic Tradition: Comparative Analysis of the Troparia Composition / T. Borisova // *Fragmenta Hellinoslavica*. – Thessaloniki, 2018. – V. 5. – P. 57 – 82 (0,9 п. л.).
48. Борисова, Т. С. Антифони Великой Пятницы в древнесербской традиции / Т. С. Борисова // *Црквене Студије*. – Ниш, 2019. – Вып. 16 (2). – С. 593 – 608 (0,7 п. л.).